

А. И. ЗАОЗЕРСКИЙ

Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве

<Фрагмент>

<...> Известно, что московские государи сами не подписывались под издававшимися от их имени актами. Алексей Михайлович начинает, однако, делать отступление от этого правила — по отношению к актам исключительной важности. Так, он «приписывал», как значится в одной его подписи, «своею царскою самодержавною рукою» грамоты, адресованные иноземным правительствам*; из актов внутреннего управления его же «рукой» закреплено было, напр., в разрядной книге 1655 г. распоряжение «быть без мест» перед выступлением в поход**. Можно ли сказать, что и подписью «в государеве имени дьяка» отмечались указы также в виду их важности? Если исходить из наблюдений над содержанием подписанных им актов — ответ должен быть отрицательный: как легко убедиться по известным сейчас их образцам, некоторые из них, вероятно даже — многие, имели своим предметом распоряжения совсем второстепенного характера***. Остается, следовательно, предположить, не выделялись ли такие указы особым порядком их происхождения, и это предположение, можно думать, находит для себя подтверждение в особенностях положения именно дьяка Тайных Дел. В обычном порядке указы, мы знаем, давались государем, в форме резолюций, думным дьячкам по их докладам — одному ли государю или в боярской думе. Но дьяк Тайных Дел не был думным и даже получал другое назначение, когда для него приходило

* Г. А. ¹, XXVII, № 106. Такую подпись находим на проекте полномочий кн. Мышецкому, отправлявшемуся послом в Копенгагене.

** Ib., № 94, л. 4 об.: «а затем наша царская рука в разрядной книге будет потому, что в нынешней службе мест нет и быт всем без мест».

*** Некоторые примеры таких указов см. у Гурлянда, стр. 126, прим.

время стать думным, хотя он и мог потом не терять с Тайным приказом фактической связи. Зато он был, как о том свидетельствует уже помещение приказа во дворце, всегда поблизости от государя, и, значит, последний через него имел возможность с наибольшим удобством осуществлять свои распоряжения, не проводившиеся обычным путем. Другими словами, существует, предполагается, в деятельности царя как бы особая сфера, пределы или объем которой формально обозначаются полномочиями дьяка «в государеве имени» или — что в данном случае то же — дьяка Тайных Дел. В более конкретных очертаниях эта сфера выступает перед нами, когда мы рассматриваем изложенные наблюдения формального свойства в связи с привычками и взглядами царя Алексея.

Алексей Михайлович известен как автор многочисленных писаний. По манере изложения, витиеватой и многоречивой, можно заподозрить в нем влечение к литературному творчеству; в действительности же писания его имеют деловой, практический характер, и в них гораздо больше, чем игра воображения, сказывается деятельная и вместе — экспансивная натура царя, которая требовала немедленной реализации переживаний и зачастую должна была делать для него тягостным обращение к средствам официального посредничества. В известных случаях трудно представить себе, чтобы царь мог спокойно дожидаться, пока овладевшую его вниманием мысль обработают по всем правилам искусства в каком-нибудь из приказов; наоборот, чувствуется именно его темперамент, не допускающий отсрочек, когда он требует, чтобы около него, поблизости, всегда были наготове письменные принадлежности и секретарь. Сопровождавший царя в одном из его «походов» в подмосковные села подъячий пишет в Тайный приказ, чтобы оттуда прислали «3 ножницы, 2 ножа чистых, да пять дестей бумаги, да воску черного (для печати)», поясняя, что «ножниц и ножинок ничего нет, да бумаги с полдести в остатке», и заканчивает свою «памятцу» просьбой к одному из коллег по приказу: «пожалуй, государь, изволь прислат поскорее, чтоб покамест не спросили»*. Царь может писать или диктовать и в очень неподходящих, казалось бы, условиях. Дьяка Дементья Башмакова он брал иногда с собой в церковь, — на случай, что понадобятся услуги секретаря. Одна из царских грамот кн. Ю. А. Долгорукому дописывалась, напр., за всюнощной, о чем писавшему ее дьяку даже было велено поставить адресата в известность: «писана сия припис на всюнощном у Пресвятыя Богородицы Честного ее Покрова во время, егда вос-

* Г. А., XXVII, № 525, л. 7.

пели первый припев: Величаем тя Пресвятая Дево»...^{*} Сохранилось много писем Алексея Михайловича совершенно частного характера; но обширнее и содержательнее грамоты его к разным лицам, касающиеся предметов государственного управления, — «указные письма», как они иногда называются в источниках^{**}; имеются также собственноручно составленные царем указы (черновики), которые, кстати сказать, он и начинает, как полагалось по тогдашнему стилю, формулой: «указал государь»...^{***} К редакции всех таких актов царь относился с чрезвычайною тщательностью, почти всегда по нескольку раз лично переписывая текст, или, что бывало чаще, заставляя других переписывать его, всякий раз — по новым переделкам, обыкновенно очень незначительным. Была ли это только литературная щепетильность? Едва ли. У Алексея Михайловича было особое высокое представление о значении «царской руки». «Повелением Всесильного, торжественно начинает царь послание свое к кн. Г. Г. Ромодановскому, и великого и бессмертного и Милостивого царя Царем и Государя Государем и всех всяких сил Повелителя Господа Нашего Иисуса Христа писах сие письмо все многогрешный царь Алексей рукою своею»^{****}, и потом, напоминая о собственноручном своем письме, как о чрезвычайном выражении своего царского благоволения, он укоряет Ромодановского, не оправдавшего оказанной ему милости: «писаны к тебе и посланы наши государевы грамоты с милостивым словом такие, каких и к господам твоим не бывало»^{*****}. По той же причине царские грамоты, хотя бы и переписанные другими, требуют особого внимания к себе и не должны быть предметом праздного любопытства сторонних людей: лица, их получающие, обыкновенно возвращают их, иногда по прямому предписанию царя — «прочетчи», прислать назад. И опять только как знак особого благоволения, дается иногда обещание: «аще даст Бог да живи будем, впредь отдадим» (т. е. возвращенную адресатам грамоту)^{6*}.

Во всем этом сказывается, без сомнения, столько же темперамент царя, сколько и его общее политическое мировоззрение, в развитом виде уже достаточно выясненное и известное; но описываемый момент был, можно думать, решающим в самом процессе образования

* lb, № 99, л. 38.

** lb., № 93, л. 28.

*** lb., № 86, ч. I, л. 260.

**** Г. А., XX. VII. № 305, л. 27. Напеч. в Зап. Отд. Р. и С. А., т. II, стр. 770–771.

***** Зап. Отд. Р. и С. А., т. II, стр. 774.

6* lb., стр. 762; см. также 758, 771.

этого мировоззрения. До того времени, в течение довольно долгого периода, молодой царь проходил школу политического воспитания под руководством двух самых близких к нему лиц (правда, и единственных, способных на такую роль) — Б. И. Морозова, который по воле обстоятельств должен был прятать свое действительное значение в государственных делах под покровом личной дружбы с царем, и патриарха Никона, который, нельзя в этом сомневаться, в частых беседах посвящал своего царственного друга в свои теоретические взгляды на положение верховной власти в государстве, как и в церкви. В согласии с живыми руководителями оказывали, по-видимому, свое влияние на Алексея Михайловича и исторические образцы. Об определенных симпатиях царя в области русского прошлого с полной категоричностью сообщает один из иностранных агентов, бывший в Москве как раз в начале пятидесятых годов. «Царь, писал он, так увлекается чтением сочинений по истории Грозного и его войн, что наверно захочет идти по его стопам»*. Это — в области внешней политики; а вот наблюдения того же лица относительно политики внутренней: «царь, по натуре самолюбивый и по-варварски жестокий, следовательно, на все способный, должен находить наслаждение в повествованиях из истории Ивана Васильевича и его тирании»**. Оставляя в стороне мнение автора о моральных свойствах Алексея Михайловича***, надо признать, что указания его на отношение царя к личности Грозного имеет под собой действительную почву. У царя Алексея, несомненно, было живое чувство почтения к творцу идеологии Московского самодержавия. Конечно, это чувство, а не просто желание замолить чужие грехи, побуждало его время от времени служить панихиды по своему далеком предшественнике****, и вместе с тем делало его чувствительным к проявлениям неуважительного, хотя бы и заслуженного, отношения к памяти Ивана Васильевича. Когда на соборе, судившем Никона, читалась его грамота к Константинопольскому патриарху Дионисию, царя задело употребленное в ней выражение, что Грозный «неправедно» мучил митрополита Филиппа, и он с возмущением говорил: «для чего он, Никон, такое бесчестие и укоризну блаженные

* Форстен: Сношения Швеции и России во второй половине XVII в. Журнал Министерства Народного Просвещения, 1898 г., май, стр. 341.

** *ib.*, стр. 345.

*** Впрочем, о жестокости Алексея Михайловича говорят и другие иностранцы, напр. см. у Пирлинга: Исторические очерки и заметки.

**** Дневальные записки Тайного приказа. Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских, 1908 г., кн. I, стр. 11.

памяти великому государю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси написал»*. Разумеется, не моральная личность привлекала царя Алексея в Иване Васильевиче и скрашивала в его глазах темные деяния Грозного царя: при всем различии характеров, обоих сближало родство политического мировоззрения и политических задач. Не случайно поэтому из исторических документов в архиве Тайного приказа оказались почти одни, относящиеся к эпохе Грозного; среди них, в частности, находим записку, «как великий государь царь и великий князь Иоанн Васильевич с сыном своим Иоанном Иоанновичем из Пскова изволили итти войною и полки отпустить под Немецкие города..., и те города имали и ково в тех городех воевод оставляли»**, и еще, быть может, больше скажут нам своими заглавиями два другие, внутренне связанные между собою, документа: «список с грамоты от Цареградскаго патриарха с собором ко царю Иоанну Васильевичу, что зватися ему царем»***, и «столпик»², в котором «писаны государские титла, как писал к Полским королем блаженные памяти г. ц. и в. к. Иван Васильевич и сын ево царь Федор Иоаннович, и г. ц. и в. к. Алексей Михайлович»****. В 1657 г. царем Алексеем учреждается так называемый Записной приказ, назначением которого было — «записывать степени и грани царственные»*****; это та же самая идея, которая положена была в основу составленной при Грозном же «Степенной книги царского родословия»³.

Как видим, иноземный агент располагал довольно точными сведениями о политическом настроении царя. С началом войны и в созданных ею исключительных условиях, когда на царя сразу легла огромная и совершенно конкретно воспринимаемая ответственность, его политическое мировоззрение, до тех пор слагавшееся под разными влияниями и путем разрозненных впечатлений должно было приобрести цельность, и поведение — большую последовательность. Еще в 1653 г., в виду выяснившейся неизбежности разрыва с Польшей, царь готовился к ожидавшей его роли и даже начал было в сделанной нарочно для того маленькой тетрадке записывать свои мысли «о ратном деле», о том, «как оберегать истинную и православную христианскую и непорочную веру и святую соборную

* Н. Ф. Каптерев: Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович, т. II, стр. 340.

** Записки Отдела Рукописей, т. II, стр. 15.

*** lb., стр. 8.

**** Русская Историческая Библиотека, т. 21, ст. 869.

***** О Записном приказе у С. А. Белокурова: Чтения в Обществе Истории и Древностей, 1900 г. кн. 3.

и апостольскую церковь и всех православных христиан и недругу бы быть страшну и объявить бы себя, великого государя, помощью всецедраго Бога и пресвятыя Богородицы и молитвами всех святых, поспешением в храбрстве и в мужестве к ополчению ратному, такоже бы и людей своих объявить в ополчении ратном храбрствено и мужествено». Из тетрадки узнаем далее, что государь стал «сие благое дело мыслити и советовать с бояры» с понедельника первой недели великого поста, а «соверьшися его государева мысль в сем деле» в понедельник третьей недели: в этот день «призвав к себе» «разрядных» И. А. Гавренева и д. д. С. И. Заборовского, он «приказал» им «сказать всему своему царскому синклиту свое государское повеление — бояром и окольничим и думным людям и стольником и стряпчим и дворяном московским и жильцом и дьяком и всему своему государеву двору, чтоб были готовы к его государеву смотру со всею службою»*. Царь, без сомнения, думал не только об этом, и лишь не захотел или не сумел высказать всего, что надумал за эти две недели; впрочем, то, что не сказалось словами, договаривает тон, в каком ведется повествование. Последний штрих к картине дается событием, которое имело место уже во время похода и в особенности заставляет вспомнить об уроках из истории Грозного: «июля в 1 день (1654 г.) государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси указал, читаем в походном дневнике, свое государское именованье во всяких делех писати — всея великия и малыя Росии самодержцем»**, т. е. царь произвел формальную реставрацию самодержавия⁴.

Фактически это было единственным напоминанием об ограничении, принятом первым представителем династии, что царь лишь в редких случаях «писался самодержцем». Но имелось на лицо ограничение другого рода, налагавшееся на царя не политическими правами боярской ли думы, или всяких «чинов Московского государства», а инерцией законченного правительственного механизма. Этот механизм, внося в управление затверделый порядок прохождения дел, несомненно, был во многом стеснителен для государя, который обладал бы темпераментом, как у Алексея Михайловича, и захотел бы, если говорить языком Ивана Васильевича Грозного, «сам строить». При таких условиях и свойства личного характера царя Алексея и усвоенные им политические предрасположения делают вполне естественным появление органа, с помощью которого он мог бы проявлять свою инициативу как бы в обход действовавшей

* Г. А., XXVII, № 85, л. 1–4.

** И., № 86, ч. I, л. 365.

системе. И зарождение такого органа мы наблюдаем в первые же годы царствования. В «Книге, глаголемой урядник», составлявшейся при участии царя в 1649–50 г., несколько раз упоминается «верховый подъячий соколиного пути» или просто «верховый подъячий» В. Ботвиньев*; судя по роли, какая ему здесь отведена, это — подъячий, постоянно состоящий при царе, на что указывает также и эпитет — «верховый». Любивший, по-видимому, с молодых лет окружать в некоторых случаях свои действия таинственностью**, царь тогда же сообщил Ботвиньеву «тайную азбуку» для секретных поручений, — может быть, первую из целого ряда изобретенных им впоследствии. «Ботвиньеву, записано, напр., рукой царя в «походной смотренной тетради 162-го году», велеть роспись написать в помесном при(казе) не по руски***. А с открытием военных действий, только что перед выступлением в поход возвратившийся из дипломатической поездки в Малороссию Т. Перфильев получает, как мы знаем, звание «в государеве имени дьяка», и в то же время в его распоряжение даются два подъячих, из которых один — знакомый нам В. Ботвиньев. Другими словами, в соответствие с новыми обстоятельствами вместо полуофициального, можно бы сказать — домашнего, секретаря возникает при государе уже целое учреждение. Пока назначение этого учреждения только намечается и, главным образом, — титулом дьяка, а самая сфера деятельности еще не определяется. Скоро, однако, круг проходящих чрез него дел получает, просто путем практики, большую определенность: спустя несколько месяцев, Т. Перфильев наделяется новым титулом — дьяка Тайных Дел, и теперь эта категория — «тайные дела» — по преимуществу начинает обозначать собой сферу деятельности учреждения, сообщая ему и соответствующее название.

Государевы тайные дела, по непосредственному смыслу термина, прежде всего — дела, которые ведает лично государь. В случае, если обнаруживался документ, в котором предполагалось «тайное государево дело», требовалось «донести (его) до самого великого государя, не распечатав****. Конечно, тайные дела могли стать известными и другим лицам, но только по доверию государя: «в нынешнем, государь, во 166-м году, пишет, напр., царю один из воевод, приехал, государь, на заставу с Волока-Ламскаго от тайных дел подъячий

* Бартнев. Собрание писем ц. Алексея Михайловича, стр. 102–104, 108 и др.

** См., напр., таинственные формулы в «Уряднике», или «тарабарские» письма А. М. У Бартнева, 1 с.

*** Г. А., XXVII, № 86, ч. I, л. 200.

**** Зап. Отдела Р. и С. А.⁵, т. II, стр. 684.

Кирило Демидов, а привез с собою твои, великого государя (т.), тайныя дела ис Царевича Дмитриева (т. е. от Ордина-Нащокина)..., а я, холоп твой, принят и переписывать не смею, и о том мне, холопу своему, как ты, великий государь, укажешь?» * Посылая грамоту из Тайного приказа кн. Ю. А. Долгорукому, царь наказывает: «и ты б, боярин наш и воевода, держал у себя тайно, чтоб ее никто б не ведал» **. Но конечно, самые типичные из тайных дел — те, о которых пишут с помощью тайной азбуки, и к ним в особенности приложимы указанные признаки. Царь нарочно отправил к Ордину-Нащокину тайную азбуку с подъячим Тайного приказа Ю. Никифоровым, сопровождая посылку след. наставлением: «и ты б тое азбуку и письмо за нашу государевою печатью у подъячего у Юрья принял и ведал один тайно, и по той азбуке о наших великого государя о тайных о всяких делех писал к нам, великому государю, в приказ Тайных Дел потому ж один» ***. Как заполнялась конкретно эта сфера ведомства, очерчиваемая понятием тайных дел, на примере первого дьяка Тайного приказа мы не видим; но перед нами открыта происходившая в таких же условиях деятельность его преемника, Дементья Башмакова, который, подобно Т. Перфильеву, сопровождал царя в его третьем походе (1656 г.) и также — с двумя подъячими ****. Руку Башмакова мы постоянно находим в делах третьего похода: им частью написаны, частью правлены походные «дневальные запуски», списки служилых людей, доклады из отписок разных лиц о ходе военных действий, походный маршрут, журнал похода из под Риги в Москву и т. п. ***** Некоторые из перечисленных документов, относясь к внешнему распорядку в походной жизни царя, если могут быть названы тайными, то исключительно разве в формальном смысле, — как вышедшие из личной канцелярии царя; наоборот, другие, характеризуя своим содержанием общий план и высшее руководство военными действиями, являются «тайными делами» по существу, и, несомненно, по преимуществу в них заключается разъяснение, почему дьяк «в государеве имени» получил свой второй титул — дьяка Тайных Дел.

Итак, Тайный приказ явился, чтобы содействовать царю в непосредственном осуществлении его личной инициативы в управлении и в дальнейшем будет, очевидно, иметь дело преимущественно с той

* Г. А., XXVII, № 119, л. 9.

** Ъ., № 127, л. 99.

*** Чтения в О. И. и Д. Р., 1901 г., кн. I: смесь, стр. 15.

**** Архив Министерства Юстиции, Московский стол, № 745, столпик 2, л. 38.

***** Г. А. XXVII, № 86, ч. I и II; лл. 1–9, 10–46, 47–55, 59–88, 89–104 и др.

областью государственной жизни, на которой в тот или другой момент сосредоточено активное внимание государя. Сформировавшись в условиях, созданных войной, он с самого начала и заявляет о себе, главным образом, в области военного управления. В этой роли он рисуется на первых порах очень скромным по составу учреждением, — коллегией из дьяка и двух подъячих; скоро, однако, мы находим его на пути к превращению в более сложную организацию. Среди разных дел опись отметила, между прочим, «столп, а в нем писма, каковы посыланы из приказа тайных дел к великому государю в поход в Польшу, и выписки ис челобитен, записки памятные, белые и черные, и подъяческие грамотки из походов и в поход из приказа тайных дел о всяких делех»*. Значит, в походе с государем — только уже часть приказного состава, другая остается в Москве, и через нее государь, занятый войной, как бы поддерживает непосредственное соприкосновение с остальными областями управления**. В приведенном документе только в очень общих чертах намечается круг дел, которые шли из приказа к государю в поход, и другие источники не позволяют сколько-нибудь раскрыть их содержание. Но ясно все же, что в первые годы деятельность его, даже и, в сфере военной, остается еще в довольно тесных рамках: об этом говорит, с одной стороны, незначительность приказного штата — в 1656 г., кроме дьяка, в приказе не больше 5 подъячих (В. Ботвиньев, Ф. Козанец, А. Афанасьев, Ю. Никифоров*** и, может быть, Т. Истомина), так что дьяк Тайных дел вынужден иногда сам принимать участие в ведении приходо-расходных книг****; с другой стороны, руководящая

* Зап. Отд. Р. и С. А., т. II, стр. 15.

** Иногда в первые годы, может быть на время своего отсутствия, государь оставляет в приказе, в качестве доверенного лица, кого-нибудь из близких людей, указывая передавать направлявшиеся сюда отписки этому лицу вместе с дьяком Тайных Дел. В такой роли, в одни и те же годы — 1657 и 1658-й, встречаем Ф. М. Ртищеву (Доп. к А. И., т. IV, ст. 399–400) и Ю. И. Ромодановского (Г. А. XXVII, 119. л. 118. и С. А. Белокуров, Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских, 1900 г., кн. 3, стр. 65). Имя Ю. И. Ромодановского, не имевшего отношения к Приказу Большого Дворца, как и Томилы Перфильева, бывшего раньше дьяком Приказа Казанского Дворца, служит, между прочим, доказательством того, что между Тайным приказом и Приказом Большого Дворца нельзя установить внутренней связи, — по крайней мере тем путем, каким идет Гурлянд, приходя к своему выводу, что Тайный приказ был «как бы новым отделением Приказа Большого Дворца» (I. с. стр. 65).

*** Юрий Никифоров и Протасий Никифоров — не разные лица, как принимает Гурлянд, а одно и то же лицо. См. Русская Историческая Библиотека, т. 21, ст. 695.

**** Русская Историческая Библиотека, т. 21, ст. 180.

роль в организации тыла (продовольствие и набор войск), так тесно связанной с ходом войны, возложена, по-видимому, не на приказ (т. е. не на оставшуюся в Москве часть приказа), а на «собинного друга» царя, патриарха Никона*.

С прекращением военных походов государя, когда он начинает руководить ходом событий из Москвы⁶, т. е. приблизительно с 1657 г., компетенция приказа все более разрастается и в конце шестидесятых годов приобретает чрезвычайно широкие размеры. Однако, и за это время круг подлинного его ведомства с трудом поддается точному определению. Тот источник, который, казалось бы, должен был с наибольшей точностью воспроизвести его, — первоначальная опись, и создает, прежде всего, затруднение. Составители описи подвергли найденный ими в архиве приказа материал классификации, распределив дела по приказам, и среди полученных таким путем нескольких категорий («дела» приказов: Посольского, Малороссийских городов, Хлебного, Разряда, Стрелецкого, Рейтарского, Иноземского и, «Сыскные дела») выделили, как мы уже знаем**, в особую категорию «дела Приказу Тайных Дел», тем самым сделав, на первый взгляд, ненужными дальнейшие розыски по вопросу о компетенции приказа. В действительности значение их классификации не столь решительное. По первому впечатлению, основанием для нее служила принадлежность дел учреждениям по производству, откуда должно бы следовать, что все те документы, которые не вошли

* См., напр., Зап. Отд. Р. и С. А., т. II, стр. 591–3. Гурлянд находил возможным определять компетенцию Тайного приказа даже за один первый год (1655 г.) его существования с большей подробностью, выбирая для этой цели из Зотовской описи все документы с начала царствования Алексея Михайловича, а из полной (по его терминологии — центральной), напечатанной в 21-мт. Р. И. Б., — «различные смотренные списки и описания похода», «документы, касающиеся приготовлений царя к первому большому походу» («малыми» автор, по-видимому, считает потешные походы), «всякого рода указы царя по вопросам дворцового хозяйства», «переписку» с кн. Б. А. Репниным за 160–2 г. и др. боярами, наконец, как заслуживающие «особого внимания». 16 «сыскных дел», относящихся «к 155–162». Прием — очень характерный для автора: для характеристики компетенции учреждения за определенный период времени привлекаются документы, или вышедшие за несколько лет до появления этого учреждения и неизвестно когда и по какому поводу сюда попавшие, или вымышленные автором («всякого рода указы царя по вопросам дворцового хозяйства»). В то же время почему-то или совершенно игнорируются важные и многочисленные дела других категорий от тех же лет (посольские и малороссийские), также отмечаемые описью, или из многих дел определенной категории отбирается незначительная часть (дела разрядные).

** См. выше, стр. 11.

в категорию Тайного приказа, в нем не производились и попали сюда из других приказов. Правда, и в этом случае компетенция приказа отличалась бы значительным разнообразием; под указанной рубрикой находим документы, касающиеся частью личных отношений царя, частью — дел военных, финансовых и поместных; но, безусловно, подавляющее большинство их — документы хозяйственного характера, а потому, опираясь на классификацию описи, пришлось бы признать ведомство Тайного приказа по преимуществу хозяйственной организацией, и, исходя отсюда, можно бы даже ставить вопрос, почему и каким образом в его архиве оказались дела остальных категорий. Другие наблюдения вносят, однако, существенную поправку в этот вывод. Среди документов Посольского приказа и Разряда, перечисленных под этими рубриками описью и в настоящее время хранящихся в разных архивах, в очень большом количестве разбросаны подлинные же документы соответствующего содержания, вышедшие, несомненно, из Тайного приказа. Значит, опись значительную часть дел Тайного приказа отнесла, — уже не по производству, а по содержанию, — к другим приказам и, суживая, таким образом, действительные пределы его ведомства, не может потому служить безусловным основанием при их восстановлении. Тем большее значение приобретают, в качестве источника, записные книги приказа.

Как раньше говорилось, записные книги 1663-м годом резко делятся на две, несходные по содержанию, части, из которых последняя, в полном согласии с описью, выдвигает на первый план хозяйственную деятельность приказа в пределах известной нам территории. Дела, с которыми знакомит нас первая часть, носят, наоборот, общегосударственный характер и, за небольшими исключениями, могут быть сведены в две группы: дела военно-административные и дипломатические. По условиям времени, первые, естественно преобладают. При всей краткости и несомненной неполноте относящихся сюда записей, их общий смысл совершенно ясен: перед нами — картина высшего и при том систематически осуществляющегося руководства в различных отраслях управления, захваченных войной. Сборы и передвижения войск, закупка и производство боевых запасов, организация продовольствия войск, изыскание средств и раздача денежного жалованья, отдельные военные операции и общее настроение ратных людей, наказы послам и переписка с ними — таковы постоянные предметы исходящих из приказа государевых грамот и указов. Вернее, впрочем, сказать: записные книги дают нам не картину всей этой сложной деятельности, а схему, которая конкретным содержанием и в какой угодно

мере может быть заполнена уже по подлинным документам (частью напечатанным во 2 и 3 томах Акт. Моск. Государства). С другой стороны, в источниках этого периода достаточно ясно обозначаются и те внутренние условия, которые содействуют расширению круга деятельности приказа, и самые приемы его действий, вырабатывавшиеся в соответствии с этими условиями, и, наконец, то положение, в какое он, выполняя означенные функции, стал по отношению к учреждениям с аналогичной специальной компетенцией.

Война, прежде всего, привила царю интерес к военному делу, хотя, может быть, интерес этот и не вырос у него до размеров пристрастия. Царь, несомненно, хотел быть по-настоящему осведомленным в военном искусстве, и теоретически и практически. Так же, как в других случаях, и в этом, не довольствуясь домашней техникой, он рассчитывает на Запад, этот неистощимый источник всяких хитростей. Здесь снова мы встречаемся с Гебдоном⁷, в роли исполнителя царских поручений, — узнаем, напр., что в 166-м году царь наказывал ему привезти из-за границы среди других предметов «книгу ратную», которая должна была раскрыть перед ее будущим высоким читателем все тайны военного искусства. По соображениям царя, она должна заключать в себе 4 части: «по которой суды воинские держат — первую часть; другую часть, — по которой всякие огненные хитрости делать, как город имат и из города, в осаде будучи, боронитца; третью часть, — какие пушки надобно ко всякой войне к походной и в обозе и в полках и о гордовом взятъе, и какими легкими снастями их возить; четвертую часть, — образцов обозов мудрых и осторожных как ставить»; для большей наглядности царь вместе с тем хотел бы, чтобы «все четыре части со всем указом были б в лицах, как что делать»; а сверх того, при книге должен быть, разумеется, и особый мастер, «чтоб умел по тем книгам всякие составы составлять и делать»*. Неизвестно, разыскал ли Гебдон в Европе такую книгу, какую заказывал ему царь; но в приказном архиве комиссией, было найдено несколько сочинений военного содержания: «книга судебная и о ратном ополчении и о всяких урядствах»⁸, 114 году; переведена с немецкого языка на Руской язык при царе и в. к. Василье Ивановиче всея Росии»; «книга о селитренном варенье и о пороховом деле 161-го году, что поднес великому государю боярин Юрьи Алексеевич Долгоруково»**»; «книга о наряде и о огнестрельной хитрости»*** и «роспись образцовым артолорей-

* Г. А., XXVII, № 118, ч. II, лл. 70–71.

** Русская Историческая Библиотека, т. 21, ст. 179.

*** lb., ст. 681.

ским пушкам со всякими запасы, что к такому строенью надобно»*. Царь, по-видимому, думал даже о распространении теоретических сведений по военному искусству в войсках, для чего надо, думать, в Тайный приказ доставлено было, по специальному государеву указу (от 16 сент. 1658 г.), из Патриаршего приказа «тысяча книг печатных ратново строю»**, — вероятно переведенного в 1647 г. немецкого военного устава под названием «Учение и хитрость ратного строения». Царь и практически знакомился с приемами ратного строя и огнестрельной хитрости. Нередко то на «государевом дворе», то на Девичьем поле устраивались смотры, когда перед государем должны были проходить «военным строем» салдацкие полки и стрелецкие приказы. На смотрах же производились опыты с огнестрельными орудиями и снарядами, и для этой цели иногда экстренно царь требовал с заводов тех или других «припасов»; так, однажды, напр., в Тулу отправлен был нарочный — с указом из Тайного приказа (7 марта 1658 г.): «взяти с Тулы от железново дела сто гранатов ручных, да пятьдесят середних, что ногами пихают, и привести те гранаты к Москве марта к 12-му числу, а на Москве отдать Приказу наших в. г. тайных дел дьяку Дементью Башмакову»***. Усиленно рекрутируют руководителей-иноземцев, желая иметь специалистов непременно первого сорта. Еще в 1646 г. царский тесть И. Д. Милославский ездил в Голландию нанимать опытных «капитанов» и солдат 20 человек «добрых самых ученых»****, а в 1658 г. тот же Милославский старается раздобыть для царя и там же — в Голландии «инженеров таких, что во всей Еуропии других таких не буд(ет)»*****. В росписи, данной Гебдону в том же году, сам царь высказывает свои пожелания по этой части, формулируя их с отличающимися его мышление конкретностью и некоторой затейливостью. Гебдон должен «призвать из немецких земель»: «полковников самых добрых и учоных ратному строю», «огнестрельных мастеров разумных, которые б умели стрелять из верховова и ис полковова наряду далеко и целно», «гранатных мастеров отзывных (т. е. с аттестатами?), которые составляют составы, как стрелять из верховых и ис полковых пушек и чтоб пинарды (петарды?) мудрые и прыткие составлявали, также бы и под корабли приверчивать умели», «городовых промышленников, чтоб

* lb., ст. 128.

** Г. А., XXVII, № 119, л. 8.

*** lb., № 512, дело 1, л. 82; ср. лл. 84, 93-4, 147-8.

**** Доп. к А. И., т. III, № 49.

***** lb., т. IV, № 49.

могли не во многие дни город взять»^{*}. Царь хотел бы вооружить свои войска и всякими другими техническими изобретениями Запада, о каких знал понаслышке или какие подсказывало ему его живое воображение: Гебдону же поручает он, напр., привезти «снастей подкопных таких, которыми б можно итти крепкими самыми месты на день человеку по две сажени, а в просторных местех сажен по 10 в сутки»; еще: «стекло такое, как под город пришел и чтоб в городе мочно высмотрить все: станет тот город головою вниз, и человека мочно поставит вниз головою», или: «трубочек маленьких смотрилных: как смотрит ис шанец, и ее зажать в руку, чтоб не знат было»^{**}. Его интересуют даже такие детали военного обихода на Западе, как «платье салдацкое, в чем шпанские салдаты ходят»^{***}. По его же инициативе, можем думать, составлялась оказавшаяся также в архиве Тайного приказа «книга... о Оружейном дому, в чем быти устроенным наряду и всяким ратным припасам»^{****}, и знаем наверное, что «по наряду» из того же приказа строился Гранатный двор^{*****9}. После того естественно, что царь считает себя, в той или другой мере, специалистом в военном деле. Остался, например, памятник его упражнений в стратегии — тетрадь, на страницах которой он старался изобразить расположение военных таборов^{6*}. Ему представлялись росписи «зелью и иным припасом, которые надлежат к пороховому делу», и в этих росписях находим изменения или поправки, сделанные его рукою^{7*}. Он может даже, при случае написать рассуждение о приемах стрельбы в поучение ратным людям: «и полковником и головам стрелецким, читаем, например, в царской грамоте Ю. А. Долгорукому, надобно крепко знать тое меру, как велеть запалить, а что палят в двадцати саженьях, и то самая худая, боязливая стрельба, по конечной мере пристойно в десять сажень, а прямая в пяти и в трех саженьях, да стрелять надобно ниско, а не по аеру»^{8*}.

Отзываясь на специальные нужды, выдвигавшиеся войной, царь Алексей обнаруживает в то же время достаточно чуткости

* Г. А. XXVII, № 118, ч. II, л. 1.

** Иб., № 118, ч. IV, л. 43–4.

*** Иб., № 118, ч. II, л. 2.

**** Р. И. В., т. 21, ст. 681.

***** Иб., ст. 1011.

6* Г. А. XXVII, № 82.

7* Иб., № 83.

8* Зап. Отд. Р. и С. А., т. II, стр. 764.

в восприятии тех тенденций, в направлении которых складывались тогдашние международные отношения и по мере осуществления которых Россия все заметнее делалась активным членом в семье европейских государств. Он в полной мере давал себе отчет в значении вопросов, фактически уже при нем ставших основными в русской политике, — балтийского и малороссийского, и учитывал создававшиеся одновременной постановкой обоих условия их практического разрешения. Поставленный перед двумя одинаково важными, но несовместимыми задачами, он совершенно сознательно и в согласии с усвоенными им взглядами и симпатиями выбрал для себя одну, предоставив времени другую, при чем выражением заключающегося в них конфликта и принятой царем линии поведения явилась произведенная им в решительный момент смена, в роли руководителей русской дипломатии, яркого западника, как Ордин-Нащокин, менее ярким, но не менее стойким националистом, как Матвеев. С другой стороны, в сфере мирных сношений, выходя из рамок отдельных культурных заимствований, примерами каких богато и предыдущее царствование, Алексей Михайлович проявляет уже не исчерпывающийся потребностями текущей минуты интерес к Западному быту и несомненное тяготение, хотя еще и остающееся под контролем мнительной осторожности, к более тесному и постоянному культурному общению с Западным миром. Убежденный теоретик Московского самодержавия, принимаемого им в специфической окраске националистических традиций, царь Алексей не прочь, однако, усвоить себе некоторые из внешних атрибутов Западного монарха и воспроизводить в обстановке своего дворца этот образец. По росписи, посланной из Тайного приказа Гебдону, тот должен был, например, достать царю «кружив, в каких ходит шпанской корол и французской и цесарь, протозанов¹⁰, с какими перед ними и около их ходят», также — «рукавиц хороших нитяных королевских» и «королевских попон (одеял) бархатных и тканых и простын хороших»; он хотел бы иметь трубы и литавры — тоже королевские, «места (троны) королевские розных государей», всю «убойку полатную королевскую», наконец, «кореты дорогие королевские»*. Не довольствуясь заграничными впечатлениями послов, излагавшимися в их статейных списках, царь принимает меры, чтобы получить точные сведения о западной жизни, собранные систематически и надежным человеком. Подъязычому Тайного приказа Юрию Никифорову, отправлявшемуся при «полномочных послах» в Англию, в приказе, между прочим, дана была «книга

* Г. А., XXVII, № 118, ч. II, лл. 1–6.

козмография¹¹ в лицах и разцвечена красками розными, и на печатных листах на других страницах подписано по руски, которые те государства и тех земель людей к чему обыкновение и что каких плодов в тех землях и иных вещей есть», — такая книга была дана «для того, чтоб ему, будучи в государствах, в которых он будет, тово, что в той козмографии описует, в тех государствах досмотреть»*. И из событий политической жизни Западной Европы царь реагирует не только на те, которые непосредственно затрагивают интересы России, а и на те, которые имеют местное значение. Известно, как сурово отнеслось Московское правительство к англичанам в связи с событиями английской революции, и мы можем догадываться, что эти события сильно захватили, прежде всего, царя: недаром именно в Тайном приказе впоследствии оказалось сказание «о казни короля Аглинского, как ему свои люди голову отсекли в 157 году»**¹². Вместе с тем царь очень чувствителен и к тому, как воспринимаются за границей события из русской жизни, даже пробует пользоваться заграничной прессой, чтобы путем фальсифицированных известий воздействовать на общественное мнение Европы в благоприятном для России смысле. Он предвидит, например, что там будут много говорить о разгроме Шереметева под Чудновым, и в целях рассеяния нежелательных толков все тому же Гебдону посылается из Тайного приказа государева грамота, на этот раз — с поручением совсем не коммерческого характера: «как к тебе ся наша грамота придет, а авизы¹³ печатные в немецких государствах и в иных городех о побое боярина нашего и воеводы Василья Борисовича Шереметева с товарищи и наших великаго государя ратных людей их полков учнут выходить, и ты б те авизы покупал и после тех авиз велел напечатат авизы другие по образцовому писму, каково к тебе послано под сею... грамотою». Он знает, что за новые авизы «доведеца и дать», но идет на это, лишь бы «во всех государствах то было явно»***.

Все эти и другие подобные наблюдения позволяют думать, что царь Алексей и по степени политического чутья, и по направлению своих практических интересов стоял, в известной мере, на уровне тех требований, какие предъявлялись правителю государства внешними обстоятельствами описываемого периода. Зато среда, при посредстве которой ему приходилось править, Московское боярство, решительно не оказывалась, по-видимому, на должной высоте.

* Московский Архив Министерства Иностранных Дел, Английские дела, 1662 г., № 5.

** Зап. Отд. Р. и С. А., т. II, стр. 20.

*** См. Г. А. XXVII, № 118, ч. II, л. 16; напеч. у Гурлянда: Иван Гебдон.

Принципиально, в системе политического мировоззрения царя, боярство является естественной средой, через которую действует царская власть. Боярская «честь» или звание боярское, конечно, обуславливается «отечеством», но это — только одно из условий: царь настаивает, что честь боярская существует «не просто», т. е. имеет оправдание не сама в себе, а «дается произволением... Небесного Владыки и нашим тленным призываньем» под нравственным обязательством — «дело Божие исправляти с радостию и рассуждати люди Ево святыя в правду». Он убежден, что, «нарицаю и обещаю чести», государь действует не произвольно: в этом случае сам Бог обращает «сердце государское ко всякой милости» и, следовательно, в «призывании» тленного царя проявляется в собственном смысле Божественное «произволение». Таким образом, традиционный порядок, согласно которому «думные и родословные люди» образуют круг постоянных сотрудников царя, получал божественную санкцию, и обе стороны оказываются настолько тесно связанными в воззрениях Алексея Михайловича, что, пытаясь уяснить себе принципы собственного поведения, он не может не думать о своих боярах, — думает за одно, «как надо, по его выражению, жить нам, государю, и вам, бояром». По обязанностям, какие налагаются на бояр их «призываньем» или, иначе, их честью, они — холопы государя и обязаны ему «послушанием и покорением»; он может наказывать их «за нерассмотренье и нерадение»; но честь боярская — «вечная», т. е. самый институт боярства должен сохранять свое место в государственной жизни всегда*. А между тем реальные впечатления, полученные царем во время походов, совсем не сходились с этими его отвлеченными представлениями. Уже вскоре по выступлении в первый свой поход царь, присмотревшись к настроению сопровождавших его бояр, писал кн. А. Н. Трубецкому: «а у нас едут с нами отнюдь не единогодушием, наипаче двоедушием, как есть оболочка¹⁴, овогда благопотребным воздухом и благонадежным и уповательным явятся, овогда¹⁵ паче же зноем и яростью и ненастьем, всяким злохитренным обычаем Московским явятся, овогда злым отчаянием и погибелью прорицают, овогда тихостию и бледностию лица своего отходят лукавым сердцем»**. Впоследствии бояре представили царю не мало доказательств правильности этой характеристики, и ему много раз приходилось отмечать в их поведении черты, губительные для государственных

* См. Зап. Отд. Р. и С. А., т. II, главным образом, письма царя к И. И. Лобанову-Ростовскому, В. Б. Шереметеву и Ю. А. Долгорукому.

** Зап. Отд. Р. и С. А., т. II, стр. 716.

интересов*. Застывшая в своей сословной исключительности и в мелочных взаимных счетах, эта среда не блистала государственными дарованиями и на служебном поприще, в военных и дипломатических делах, заявляла себя близорукостью или пустым тщеславием гораздо чаще, чем пронизательностью и чувством долга. Таким боярство Алексеевского времени представляется и сторонним наблюдателям русской жизни. «Вся беда Московского государства, писал в 1660 г. шведский посланник Эберс, в том, что у царя нет умных и понимающих что-нибудь советников, кроме одного только Бориса Ивановича Морозова; остальные пренебрегают всем этим и проводят свое время в питье и еде»**. По сообщению Эберса, когда в Москве начались новые приготовления к войне с Польшей, «царь находил мало поддержки в дворянстве и духовенстве. Общие интересы государства, продолжает он, мало кого вдохновляют, и царь остается одиноким»***.

Согласно своим принципиальным взглядам, царь, однако, оставляет за боярством его официальное положение: по-прежнему, за немногими лишь исключениями, «прирожденные» бояре заполняют высшие государственные должности, и также собирается боярская дума, — правда, для обсуждения чрезвычайных вопросов теперь обыкновенно в составе избранных «ближних» людей. Зато царь постепенно все усиливает свое личное участие в управлении государством, осуществляя его поверх обычных путей, и в соответствии с этим все шире раздвигаются рамки ведомства Тайного приказа. Действия воевод и посланников берутся под очень бдительный и систематический надзор. Царю должно быть

* Вот еще общий отзыв о боярстве, принадлежащий, судя по стилю и некоторым внешним признакам, также царю и относящийся, по всей вероятности, к 1656–7 г.: «Не просто, что промышленники являют удержательным ратем, то суду Праведному Божию предлежит. Одново помазанника Божия промысли счастье пути явно в мире. Блажен слуга тот, иже заповеди Господа своего Христа, крепких запоров отворения дверей ключи счастья (?) объявил Бог боярину князю Алексею Никитичу (т. е. Трубецкому), носит. Даятел милосерд всем равно хочет, да не всяк приемлет, по апостолу: кто каково сердце в себе имеет, такову и службу относит. Тайное радение открываецца явно делом. Велико нерассмотрение! Сами блиско быт не хотят, где место скорому промыслу, а перед собою иного ненавидя, до конца промысл разрушают. Только то правда назвать без хитрости и поставлены не на то, что нерассмотрительным быть, что истине не верят; явная злость и делом прямым обличатча может». Архив Министерства Юстиции, Московский стол, № 279, л. 3. Документ представляет из себя отрывок, тщательно переписанный рукой одного из подъячих Тайного приказа, и находится среди дел приказа.

** Форстен. 1. с. Ж. М. Н. П., 1898 г., май, стр. 74.

*** Ы., Журнал Министерства Народного Просвещения, 1898 г., июнь, стр. 316.

известно все, на театре ли военных действий или на дипломатических съездах. Всякий, кому дается более или менее ответственное поручение, получает непременно и наказ — «писать великому государю почасту» и «с нарочными гонцы»; а сверх того, от царя могут явиться к воеводе, специальные гонцы с требованием, чтобы «отписал» в Тайный приказ «на спех», «что у него делаетца»*. Неаккуратность в донесениях — важный проступок в глазах царя. «Писал ты к нам прежь сего, а ныне ты, страдник, худяк, ни к чему не надобен, не пишешь ни одной строки, выговаривает царь Черкасскому-Косому¹⁶, и грозит: «отведаешь, как приедешь и увидишь наши очи; мы тебя, страдника, не велим и в город пустить»**. Мягче, но с глубокой обидой, он делает выговор по такому же поводу кн. Ю. А. Долгорукому: «если б не жалуючи, и я бы с тобою Спасова образа (на театрах военных действий) не отпускал, и ты за мою, просто молыть, милость и всю любовь ни единые строки не писывал ни о чем»***. Еще сильнее возмущает царя желание воеводы скрыть правду в донесениях. Кн. И. И. Лобанову-Ростовскому, который «писал ложно» государю о понесенных войсками потерях, пришлось потом читать суровое внушение в присланной из Тайного приказа царской грамоте: «и так делают недумные и худые люди, писал царь, а думным нашим великого государя людем ложно писать не довелось. От века того не слыхано, чтобы природные холопи государю своему в ратном деле, в находках и в потерках, писали неправдою и лгали»****. Обязанный извещать государя о ходе дел, воевода, также и полномочный посол, не может принять ни одного важного решения без специального государева указа. Упомянутый выше кн. Лобанов-Ростовский, действуя против поляков, «приступал» к г. Мстиславлю, «не отписався об указе... до того приступу», а ему следовало делать иначе: сначала произвести необходимые разведки и «изготовя все, что надобно, об указе отписать... с нарочным гонцом на спех»; и указывая самовольному воеводе на печальные последствия его поступка («на том приступе наши великого государя ратные люди побиты и переранены многие»), царь напоминает: «а как, по указу нас, великого государя, велено тебе, окольниковому нашему и воеводе, быть на нашей великого государя службе, и мы, великий государь, тебе, окольниковому и воеводе, приказывали изустно о Божии и о нашем великого государя деле промышлять со всяким раденьем, отложя всякую гордость, и спесь, и об указах писати к нам,

* Архив Министерства Юстиции, Московский стол, № 279, лл. 10–41, 72; Белгородский стол, № 602; л. 95; Г. А., XXVII, № 92 bis. л. 202 и др.

** Зап. Отд. Р. и С. А., т. II, стр. 731.

*** Иб., стр. 757.

**** Иб., стр. 743.

великому государю»*. Исключения не допускается и для лучшего полководца, каким считался тогда кн. Ю. А. Долгорукий. Когда тот отступил от Вильны без государева указа и написал «об указе», придя уже к Смоленску, царь и ему послал грамоту с укором: «помысли сам себе, спрашивает он, по какому указу пошел, какая тебе честь будет, как возьмут Ковну или Гродню?... И то как и помыслить, что пришедши в Смоленск без нашего государева указа, и писать об указе?.. Жаль конечно тебя: впрямь Бог хотел тобою всякое дело в совершение не во многие дни привести и совершенную честь на веки неподвижно учинить, да сам ты от себя потерял»**. Но всего хуже, когда прямо нарушают государев указ: в подобных случаях царь не жалеет крепких слов, чтобы выразить свое негодование: «Врагу креста Христова и новому Ахитофелу, княз Григорью Ромодановскому» — начинается государева грамота к Ромодановскому, отступившему в своих распоряжениях от государева указа. «Воздаст тебе Господь Бог за твою к нам, великому государю, прямую сатанинскую службу... Якоже Июда продал Христа на хлебе, а ты Божие повеление и наш государев указ и нашу милость продал же лжею... И сам ты, трекоаянной и безглавной ненавистник рода христианского... и наш верной изменник и самово истинново сатаны сын и друг диаволов, впадешь в бездну преисподнюю, из нее же никто возвращался» и т. д.*** В попытках воевод действовать самостоятельно царь видит только их «возношение» и «упрямство басурманское», а то и просто глупость: кн. Ф. Н. Одоевский «летось ходил дуростью, а ныне, — хвалит царь исправившегося воеводу, — во всем желает от нас указа»****. Порицая непослушание, царь в то же время ловит всякий подходящий предлог, чтобы сказать воеводам свое «милостивое слово» и тем побудить их к исправной службе. Но милость, как и наказание, — чисто внешние мотивы, а царь хотел бы, чтобы его родословные холопы служили по совести, прониклись бы сознательным отношением к своему назначению, и в этом — источник рассуждений, иногда очень длинных и довольно темных, о правах государя и об обязанностях бояр, которыми он нередко сопровождает свою похвалу или порицание. <...>

* Иб., стр. 744, 746.

** Иб., стр. 757–8.

*** Иб., стр. 771–2.

**** Иб., стр. 731–2.